

Правовая легализация отмены смертной казни в России

Комментарий к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года

Тамара Морщакова

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р¹ вынесено по результатам рассмотрения ходатайства Верховного Суда Российской Федерации о разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П², согласно которому без обеспечения в Российской Федерации обвиняемым в особо тяжких преступлениях против жизни права на рассмотрение дела судами с участием присяжных заседателей (которые до 2010 года были созданы еще не во всех субъектах Российской Федерации) предусмотренное уголовным законом за эти преступления наказание в виде смертной казни не могло назначаться — независимо от того, был ли вынесен обвинительный приговор судом с участием присяжных заседателей или в иной предусмотренной законом процедуре, а именно коллегией из трех судей-профессионалов.

Данный вывод был основан на положении статьи 20 Конституции Российской Федерации, согласно которой смертная казнь впредь до ее отмены могла устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Исходя из взаимосвязи статьи 20 со статьями 18, 19 и 46 Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд признал названный порядок рассмотрения дел особой уголовно-процессуальной гарантией судебной

защиты права на жизнь, подлежащей предоставлению на равных основаниях каждому обвиняемому по таким делам независимо от их территориальной подсудности, и, соответственно, — в отсутствие судов присяжных в ряде субъектов Российской Федерации — сформулировал запрет применения исключительной меры наказания на всей территории Российской Федерации. Иное искажало бы предназначение особых судебных гарантий права на жизнь, не говоря уже о существенном нарушении равенства в его судебной защите.

Постановление Конституционного Суда от 2 февраля 1999 года № 3-П сыграло значительную роль в фактическом решении вопроса об отмене смертной казни в России. Хотя к моменту его принятия прошло уже три года после вступления России в Совет Европы, в течение которых должна была состояться и ратификация Федеральным Собранием Российской Федерации подписанного ею Протокола № 6 об отмене смертной казни, дискуссии об обязательности ее запрета для России не стихали не только на политической арене, среди представителей законодательной власти, но и в правоприменительных инстанциях. Судебная практика судов общей юрисдикции фактически демонстрировала, что она не в состоянии ориентироваться на входящие в правовую систему России международно-правовые нормы как непосредственно действующие, несмотря на то что их приоритет прямо установлен Конституцией Российской Федерации. В 1999 году, когда уже почти истек срок для ратификации Рос-

сией Протокола № 6, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1³ по-прежнему формулировалось указание судам о том, что смертная казнь может применяться. В 2003 году⁴ Пленум Верховного Суда вновь настаивал на обязанности судов следовать лишь вступившим в силу для России нормам международных договоров. Только Постановление Конституционного Суда от 2 февраля 1999 года № 3-П, исключив применение смертной казни, сняло эту проблему как для других судов, так и для российских политиков более чем на десять лет.

Учитывая сложившиеся традиции, отражающиеся в указаниях высшего судебного органа страны, не приходится удивляться тому, что Верховный Суд РФ обратился в Конституционный Суд РФ в качестве заявителя только по вопросу о возможности возобновления применения смертной казни в Российской Федерации после 1 января 2010 года, то есть с момента появления судов присяжных на всей территории Российской Федерации, и ходатайствовал лишь о разъяснении Постановления Конституционного Суда от 2 февраля 1999 года № 3-П. Такая постановка вопроса по-прежнему отражала сомнение в необходимости для России следовать ее международным обязательствам, хотя Верховный Суд сослался в своем обращении на известные нормы не только Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но и Венской конвенции о праве международных договоров, прямо запрещающей неисполнение международного договора (в период до его ратификации), если и пока государство не заявит о своем отказе стать его участником. Конституция Российской Федерации предусматривает правомочие Верховного Суда на обращение к конституционному правосудию в разных процедурах, в том числе в порядке абстрактного нормоконтроля, позволяющее в данной ситуации поставить перед Конституционным Судом Российской Федерации также вопрос о конституционности самого уголовного закона, сохранившего смертную казнь в качестве меры наказания и после присоединения России к документам Совета Европы. Однако эти возможности в области обеспечения конституционности действующего уголовного законодательства и очищения его от предписаний о смертной каз-

ни не были использованы высшей судебной инстанцией.

Вновь, как и в 1999 году, Конституционный Суд в своем Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р взял на себя от лица государства ответственность за выполнение Россией ее международных обязательств по запрету смертной казни, которая теперь должна исчезнуть из российского общественно-политического и уголовно-правового ландшафта даже номинально: бессмысленно сохранение в уголовном законе положений, которые не действуют и не могут, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, вновь «ожить».

Значение политических последствий этого решения, как бы велики они ни были, не может и не должно, однако, отвлекать от анализа его конституционно-правовой сути и юридических аргументов, которые связаны с существенными параметрами российской правовой системы.

Российская Конституция, признавая право на жизнь в качестве основного неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения, изначально программировала отмену, а не сохранение смертной казни, которая допускалась лишь как временная исключительная мера «впредь до ее отмены» (часть 2 статьи 20 Конституции РФ), то есть на ограниченный переходный период.

Законодатель, реализуя свои полномочия в области рассчитанного на переходный период правового регулирования, как следует из ранее сформулированных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации⁵, не свободен в решении о продлении действия временных ограничений, допускаемых на основе самих конституционных предписаний. Пределы переходного периода, на который распространяются ограничивающие конституционное право предписания, диктуются объективными обстоятельствами правового развития и не могут произвольно расширяться.

Окончание действия во времени такого ограничения конституционного права на жизнь, как смертная казнь, допускавшаяся впредь до ее отмены в качестве исключительной меры наказания, может диктоваться не только решением национального законодателя. В силу российской Конституции запрограммированная ею отмена смертной казни

состоялась как следствие соблюдения Россией являющихся конституционно-правовыми по своей природе международных обязательств, принятых ею при подписании документов Совета Европы. Последние имеют приоритет перед внутренним законом, тем более в сфере непосредственно действующих прав и свобод человека, что прямо закреплено в части 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации. Последовательный отказ от применения смертной казни в качестве меры наказания уже в течение более чем десяти лет, благодаря общим усилиям Президента Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации и судебной практики, обеспечивает соответствующий уровень гарантий права на жизнь, который не должен снижаться в демократическом обществе.

Использование в правовой системе России не законодательных, а иных, конкурирующих с ними, способов отмены смертной казни не ограничивает полномочия федерального законодателя ни в сфере ратификации подписанного Россией Протокола № 6 о запрете смертной казни, ни в формальном исключении из уголовно-правового регулирования уже не действующих, то есть реально утративших юридическую силу норм Уголовного кодекса Российской Федерации о смертной казни как мере уголовного наказания.

Вместе с тем нельзя не признать, что уровень правовых актов, включая решения Конституционного Суда Российской Федерации, в силу которых произошла правовая легализация отмены смертной казни, обижает законодателя впредь не принимать какие-либо предписания, противоречащие международным нормам о ее отмене, также и потому, что законодатель не вправе преодолевать юридическую силу решения Конституционного Суда Российской Федерации (часть 2 статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁶), по существу исходившего в Определении от 19 ноября 2009 года из неконституционности сохранения смертной казни в правовой практике России. Иная правовая позиция могла бы получить нормативное основание в правовой системе России только путем внесения изменений в первую и вторую главы российской Конституции, что требует использования процедуры, закрепленной в части 3 статьи 135 Конституции Российской Федера-

ции, то есть возможно лишь при условии разработки Конституционным Собранием и принятия новой конституции страны.

Морщакова Тамара Георгиевна – судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), доктор юридических наук.

tmor@ksrf.ru

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 48. Ст. 5867.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 6. Ст. 867.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 2 февраля.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 декабря.

⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 года № 6-П по делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 12. Ст. 1178.

⁶ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.